

Заметки на полях книги

28 января 1949 года в «Правде» появилась статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». С этой публикации началась клеветническая, позорная кампания, раскрученная сталинским идеологическим штабом. Это была прямо-таки «охота на ведьм».

Среди названных «Правдой» семи «безродных космополитов», на кого обрушился огонь критики, сегодня в живых остался один — Александр Михайлович Борщаговский. Он назвал себя баловнем судьбы, счастливец и посчитал своим долгом перед памятью товарищей на основе документов рассказать об этом трагическом периоде нашей истории.

А. Борщаговский — давний друг и автор «Вечерней Москвы». В 1989 году после публикации журнального варианта книги в нашей газете было напечатано интервью с писателем. Только что в издательстве «Советский писатель» вышла книга А. Борщаговского «Записки баловня судьбы». Публикуем заметки театрального режиссера, профессора ГИТИСа Б. Голубовского об этой книге.

ЧТО же за книга «Записки баловня судьбы» Александра Борщаговского? Исследование истории, с точностью анатома препарирующего события, прослеженные по месяцам, дням, чуть ли не часам? Страстный памфлет, где точные факты сливаются с гневным обличением? Взволнованный рассказ о своей жизни, наполненный глубокой любовью, чувством дружбы? Иногда книга становится детективом, не всегда, к сожалению, заканчивающимся наказанием порока. Нет, просто перед нами не так уж часто встречающийся рассказ о жизни, делающий нас соучастниками описываемых событий.

Невозможно равнодушно читать книгу. Борщаговский сумел найти удивительно доверительную интонацию, находящую путь к читательской душе, его чувствам. Вместе с автором мы оказываемся в эпицентре событий. На него и его шестерых сотоварищей пал основной удар. Кампания захватила не только их, на трибуну собраний в Москве, Ленинграде, Киеве поднимались, как на плаху, десятки, если не сотни обреченных. Вряд ли современный читатель может представить себе поток оскорблений, клеветы, обрушивающихся на порядочных и талантливых людей. Слабые унижались, калялись, это еще

лал Борщаговский. Разные взаимоотношения, разные оценки, но психологический и социальный анализ точен и глубок. Рядом с «великими» — Миша Вершинин, поэт, мечтатель, авантюрист и бессребренник, выписанный с иронией и любовью.

А как зримо, чувственно, пластично выписаны характеристики: вот главный редактор «Советского писателя» Лесючевский: «...неугомонный, подмигивающий, подергивающийся, как от чесотки, трусливый...» — подарок актеру, иди и играй! Вот мягкий и опасный Лев Шейнин.

С какой любовью автор говорит о выдающемся режиссере и редком человеке Алексее Попове, вставшем против всемогущего ПУРа. Мы знали, что означало неповиновение даже звонку из этого «органа». Чудесные люди, вселяющие силы и заставляющие верить в добро: режиссер Д. Тункель, писатели Н. Винников, В. Добровольский, молодой актер Гриша Гай. Две-три страницы посвящены В. Лавреневу, но мы успеваем полюбить его. И как стыдно читать о людях театра, зачастую очень маститых, не хочу лишний раз упомянуть их имена. Помню выступление одного «мэтра»: «В драматургии я за СССР — Симонов, Суров, Софронов, Ромашов!».

В итоге одним из наиболее выразительных становится портрет самого Борщаговского, человека нестигаемой воли и оптимизма.

БЕЗРОДНЫЕ КОСМОПОЛИТЫ

ИЛИ КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

не дающий возможности оставаться равнодушными.

Не имеет смысла сравнивать книгу с публикацией глав в журнале «Театр» — она читается заново, в журнале был сюжет лишь одного эпизода, тогда как книга задыхалась воздухом эпохи, все факты слились в единую картину, поражающую масштабностью. Локальный эпизод борьбы с группой театральных критиков «безродных космополитов» перешел в сферу большой политики, стал глубоким социальным обобщением. «Ведь из этой, как выразился Фадеев, в жизни родилась драма тысяч и десятков тысяч людей по всей стране, духовная катастрофа». Борщаговский написал не личную историю, а историю времени. Автором движет чувство долга, ответственности перед сегодняшним читателем — все должны знать, что было!

Трудно передать мое волнение, когда я познакомился с книгой, она стала для меня сопереживанием за прошлое, которое коснулось и меня, и моих друзей, за сегодняшний день и за будущее.

Александр Борщаговский сразу же погружает нас в гущу событий 40-х годов, в их предысторию: убийство великого еврейского актера С. Михоэлса, уничтожение Еврейского антифашистского комитета, дело «врачей-убийц». Он раскрывает внутренние пружины, иногда мелкие, личные, карьеристские, иногда мстительные, но в итоге завязанные с политикой, подчиняющей себе все. «В разгроме «безродных космополитов», одной из последних акций сталинизма, национальный вопрос сыграл важную, если не определяющую роль, хотя истребительная война и повелась против мысли как таковой, против любых проявлений духовной независимости».

Страшная вина развязанной антисемитской кампании — в стремлении разделить по национальному принципу, по принципу чистых и нечистых. Не буду приводить многочисленные примеры абсурдности такой позиции, ее последствий, только скажу о том, что я ни на минуту не ощущал своего отделения от друзей по институту Вали Невзорова или Андрея Гончарова, от учителя Федора Каверина или Алексея Дикого. Любая попытка разделить меня от русского искусства была бы оскорбительной! А литература? Музыка? Живопись? Наконец, кинематограф? Нас хотели раздвинуть! Для этого сделано много, но довести такую бесчеловечную акцию до конца не удалось никому.

Началось с театральной критики, и с неимоверной быстротой мутный поток захватил все берега искусства в кинематографе, музыке, литературе. Не знаю, кто дал потрясающее точное определение, что такое социалистический реализм: «Это выражение благодарности руководителям партии и правительству в доступной для их понимания форме». Такова была цель и эстетическая норма. Кто не мог выполнить такое требование — тот выпадал из обихода. Гениальный Шостакович горько сказал: «Наше дело ликовать» И написал «Песню о лесах». Кто ее сегодня помнит?

больше разжигало страсти. От них требовали шахсей-вахсея, зал жаждал крови. Начинался массовый психоз! На собрании кинематографистов Марк Донской истошно, припадочно кричал Сергею Юткевичу, своему товарищу по профессии: «Положи на стол профессорский диплом!». Борщаговский боролся, но не с трибуны, ясно понимая обреченность такой попытки. Он не унижался, не сдавался, отвечая трудом — он писал роман. И выстоял!

Мне, молодому, начинающему режиссеру, посчастливилось попасть в общество (тогда его называли бы шайкой!) хороших, талантливых людей: непримиримая Фрида Вигдорова, тонкий сатирик Александр Раскин, мои близкие друзья, чудесные Вера Вокшицкая и Семен Раппопорт, интереснейший эстетик-философ, и семья Борщаговских. Мы жили вместе на подмосковной даче и восхищались тем, как каждое утро Шура (да простит мне маститый автор, но тогда все его называли так) Борщаговский ежедневно направлялся в «Ленинку» работать над романом. Над всеми нами нависли тучи (я пострадал в Радиокомитете одним из первых), хуже всего было Шура, но самым жизнеутраченным был именно он! Я вспомнил слова Алексея Денисовича Дикого: «Он думает, что он об этом не думает. Но он даже и не думает, как он об этом думает!». Иногда у Борщаговского, несмотря на огромную выдержку и силу воли, проскальзывала драматическая нота. Помните фразу из его рассказа о мытарствах с романом: «Хочется выть!». Но это — мгновение. Мы преклонялись перед его чувством собственного достоинства, отсутствием столь соблазнительного ореола мученика.

Борщаговский — человек театра, не мог жить без его мира — шумного, противоречивого, подверженного непредсказуемым эмоциям, любви и ненависти, с мгновенно возникающими и меняющимися группами, забывающими их ради настоящего творчества. Это — театр! И Борщаговский отдавал ему свои силы, с фанатическим упорством разыскивая новые драматургические таланты. Его труд в ЦТСА был настоящим подвижничеством, и он может гордиться тем, что его усилиями репертуар держался не только в ЦТСА, но и расходился по всему Союзу.

Он не боится раскрыть на страницах свой внутренний мир: с какой лирической силой и глубиной чувства написаны страницы, посвященные его жене, как он ее называет «Вале, Валентине, Аяле, Валентине Филипповне». Женщина драматической судьбы, она была надежной опорой мужу в его испытаниях. Я видел ее спокойствие — оно было драматичнее любых плачей. На людях она себе этого не позволяла!

Конечно, события потрясающие, но люди, окружавшие Борщаговского, еще интереснее! Их целая галерея — от вельможи партийного аппарата Д. Шепилова, написанного с симпатией, и монстра Г. Попова до секретаря редакции «Советского искусства» Гали Андреевой, прелестной гитисовке. Редко так интересно писали о А. Фадееве и К. Симонове, как это сде-

Сколько человеческих трагедий, о которых с душевной болью пишет Борщаговский: Гурвич, Альтман, не переживший предательства своего друга Фадеева, не переживший исключения из партии, бывшей для него святым делом всей жизни. Да, было и такое.

Жестокие страницы: «белые негры», работавшие на вершителя судеб Анатолия Сурова. До какой же степени цинизма нужно дойти, чтобы, ругая последними словами «гнусных космополитов», пользоваться их трудом для своего обогащения и прославления, даже получать за их произведения Сталинские премии! Портрет Анатолия Сурова, героя своего времени «распутинского толка», выписан беспоощдно. Сколько же и сегодня таких неуправляемых, непотопляемых и ненаказуемых героев? И придет ли наказание? Авантюрный роман (или детектив)! Имена Г. Штайна, Н. Оттена, Я. Варшавского, А. Шейнина (сталинградского журналиста, не надо путать с Л. Шейниным) — клубок, распутать который так и не удалось.

В заключение я хотел процитировать пушкинского Пимена с такими очень подходящими строками:

«Минувшее проходит
предо мною —
Давно ль оно неслось,
событий полно,
Волнуясь, как море-окиян»

Но дальше следуют слова, не соответствующие нынешней ситуации:

«Теперь оно безмолвно и спокойно...».

Нет, не спокойно! Книга звучит, как тревожный набат: от «врачей-убийц» и «безродных космополитов» путь прямо к свежим номерам «Нашего современника» и «Молодой гвардии», к выступлениям «Памяти» — непотопляемым, неуправляемым и ненаказуемым.

И все же книга оптимистична: Борщаговский верит в непреходящие человеческие ценности, в людей. Будем же и мы верить вместе с ним...

Б. ГОЛУБОВСКИЙ,
народный артист Российской Федерации, профессор.